

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 13-14 (72-73)

Культура черкесских мамлюков

Черкесы оказали на мамлюкскую систему глубочайшее влияние. Есть основания полагать, что большая часть черкесских султанов XV века - это выходцы из княжеско-дворянской элиты Черкесии. Они привнесли в Египет собственные феодальные порядки.

Черкесские мамлюки развили геральдическую традицию, основанную на древних черкесских (зихских) символах, первые образцы которых мы находим в зихских могильниках VI в. Оказавшись в Египте, черкесы с подчеркнутым вниманием относились к соблюдению норм своего древнего этикета и продолжали культивировать систему аталычества. Сохранились трогательные свидетельства верности воспитанников семьям своих воспитателей в условиях, когда ценой этой верности являлась смерть. Рыцарские нравы черкесов, их конные дуэли с копьями наперевес, красочные ристалища в присутствии султана, чемпионаты поло, дружинные пиршества с обильнейшими возлияниями, песни во славу героев и неистовыми танцами, поминальные скачки, доспехи с нанесенными на них гербами — все это оказывало почти гипнотическое воздействие на подданных. Мы можем быть уверенными в том, что черкесская община Египта периода правления черкесских султанов представляла собой точный слепок быта и нравов самой Черкесии.

Период правления черкесских султанов означал для Египта и Сирии эпоху наивысшего культурного расцвета и экономического благополучия. В свою очередь, процветание при черкесах делало их власть легитимной в глазах арабских интеллектуалов, которые пользовались определением даулят аль-джаракиса (государство черкесов) без эмоциональных переживаний по поводу собственной национальной гордости. Всем известный цикл сказок «Тысяча и одна ночь» появился в Каире XV в. «Именно в этот период, - отмечает Джон Роденбек, профессор Американского университета в Каире, - приблизительно между 1382 и 1517 гг., книга, известная под названием «Тысяча и одна ночь», куда входили багдадские рассказы о Харуне ар-Рашиде, существенно расширилась за счет новелл, повествующих о време-

нах правления мамлюкских султанов». Ибн Халдун, великий арабский историк, обществовед и визирь при Баркуке, впервые увидел Каир в 1383 году: «Это столица вселенной, сад мира, людской муравейник, трон величия, город замков и дворцов, монастырей и школ, город образованных людей».

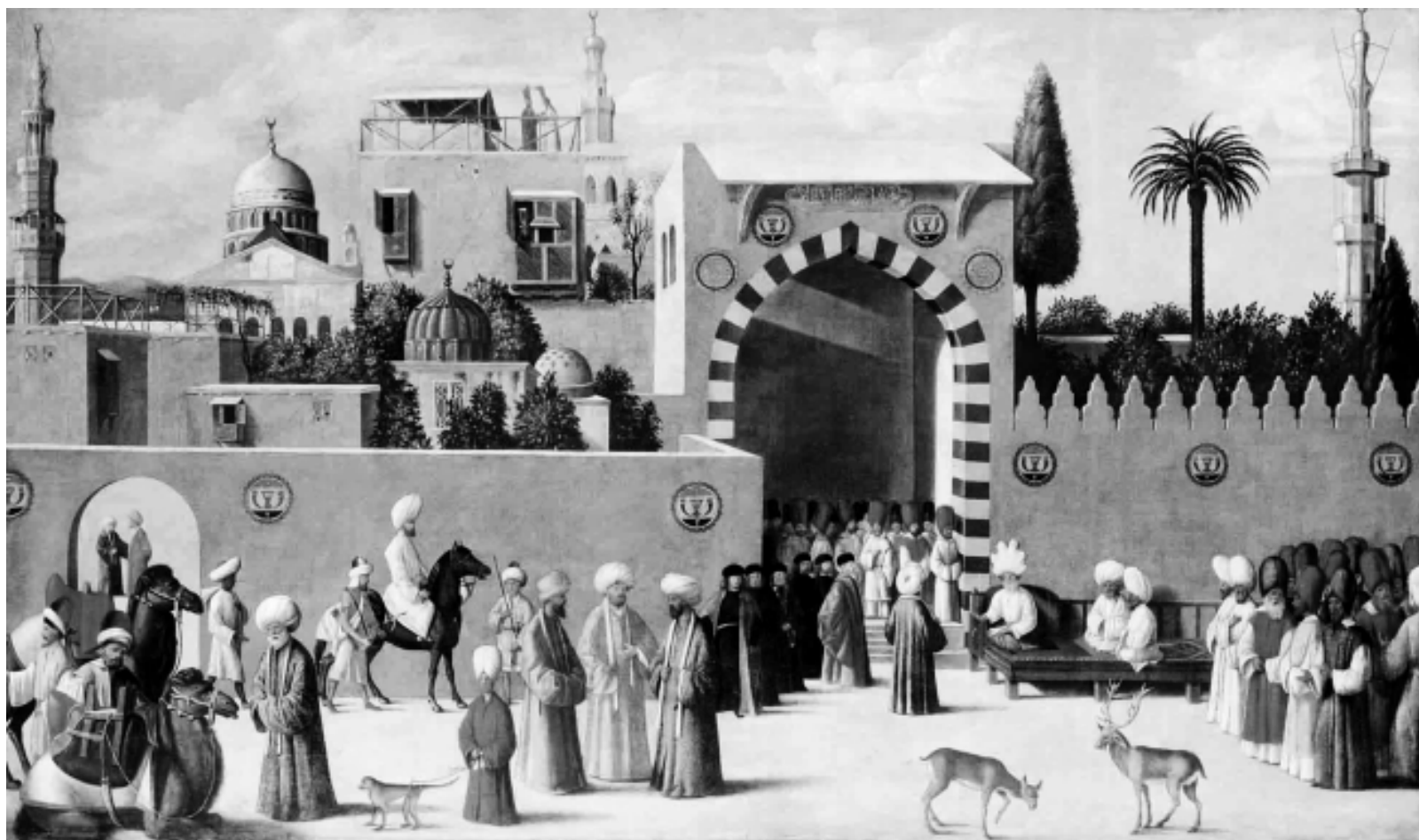
Богатство и роскошь при черкесских мамлюках достигли абсолютного максимума: самые богатые люди в мире в XV в. жили в Каире. Макс Роденбек, авторитетный исследователь истории Каира, отмечает, что столица черкесских мамлюков являлась своего рода Нью-Йорком средних веков как по размерам и численности жителей, так и по богатству, уровню комфорта и развития экономики. Он был в два раза больше Парижа, самого

крупного города Европы, и в пять раз больше, чем Константинополь — речь идет, по меньшей мере, о 500 000 жителей.

Эмирские и султанские семейства черкесов контролировали торговлю Европы с Индией. Плавание Васко да Гама в самом конце этого столетия открыло европейцам обходной маршрут в Индию и поставило под угрозу экономическое процветание империи черкесов. Но этот кризис в торговле наступил уже при османах, а пока португальский путешественник Перу ди Ковильян, посетивший черкесский Каир в правление Каитбая, не мог найти слов для своих эмоций. Генри Харт пишет, что при черкесских мамлюках Александрия расцвела так, как это было лишь при Птолемах. Султанский некрополь Северного кладбища

и эмирский некрополь Южного кладбища также относятся к XV в. Они представляют собой самое лучшее доказательство богатства, процветания и великолепия черкесской эпохи. Вслед за Византией османы сменили и черкесских мамлюков. В битве на Дабикском поле рыцарская кавалерия черкесов была сметена огнем османских пушек и аркебузов. Как и их европейские собратья, черкесское рыцарство не узрело очевидный факт, что на дворе уже настала новая эпоха - эпоха огнестрельного оружия. Таким образом, мы уже на черкесском опыте отмечаем еще один важнейший цивилизационный критерий - переход от холодного оружия и рыцарской тактики боя к огнестрельному мужичьему рационализму.

Культура черкесской общины средневекового Египта представлена великолепными архитектурными памятниками. Есть возможность привести целый ряд любопытных отзывов компетентных в этом вопросе авторов. К их числу относится Расим Рушди, писавший о Каитбае: «Он построил две соборные мечети, известные под его именем, и считающиеся самыми прекрасными образцами архитектуры. Построил он также много дорог, школ, крепостей, мостов, которые указывают на его тонкий вкус». Далее, в подтверждение своих слов, Рушди цитирует Абд ар-Рахмана Заки, автора сочинения «История Каира за тысячу лет»: «Каитбай успевал в своей деятельности. Изучение памятников его эпохи вызывает восторг и

Неизвестный венецианский художник. Прием венецианских послов в Дамаске. 1511 г. Лувр. Масло, холст (118 на 203 см). См.: http://www.qantara-med.org/qantara4/public/show_superzoom.php?im_id=3399

Эта картина приводится в путеводителе по каирской цитадели Вильяма Листера под названием «Каитбай принимает послов из Венеции». (Lyster W. The Citadel of Cairo. Cairo: The Palm Press, 2002. P. 37). Столь тонкий знаток мамлюкского Каира, как Листер, вряд ли мог бы ошибиться или, тем более, быть не в курсе того обстоятельства, что в музее Лувра картина озаглавлена по-другому. Дело в том, что на стенах резиденции нанесены изображения герба Каитбая. Понятно, что таковые могли быть нанесены и на стенах резиденции султанского наместника в Дамаске — вице-султана Сирии и второго лица в мамлюкской иерархии.

В 1511 г. этот пост занимал малик аль-умара (т. е. вице-султан) Сибай, героически сражавшийся и погибший в 1516 г. в битве на Дабикском поле (An account of the Ottoman conquest of Egypt in the year a. h. 922 (A. D. 1516), transl. from the 3-d vol. of the Arabic chronicle of Muhammed ibn Ahmed ibn Iyas..., par W. Salmon. L., 1921. P. 40-45). Статус наместника Сирии вполне позволял принимать иностранные посольства. Эта же картина воспроизведена в «Таймсовской иллюстрированной истории мира» очень качественно, но при этом аннотирована ошибочно, как принадлежащая перу самого Джентиле Беллини, а место действия перенесено в Константинополь! Типичная мамлюкская архитектура, гербы Каитбая и еще ряд деталей оказались незамеченными составителями этой, бесспорно, образцовой исторической энциклопедии. (The Times Illustrated History of the World. Edited by Geoffrey Parker. L.: Times Books, 1995. P. 158).

КУЛЬТУРА ЧЕРКЕССКИХ МАМЛЮКОВ

восхищение, приводит в изумление. Эпоху Каитбея можно считать точной копией времен ан-Насира в отношении возведения великолепных архитектурных сооружений. Черкесские мечети не перестают притягивать к себе архитекторов, художников и туристов со всех концов мира». В другом месте Заки развивает свои оценки: «Во времена черкесов, в особенности в эпоху Каитбея, в архитектуру внесли новые существенные изменения, усовершенствовали ее. Широко применяли тесанный камень, украшали внутреннюю поверхность стен красивыми надписями. В эпоху черкесов распространилось нанесение орнамента на самом камне взамен гипсовых и штукатурных украшений. Многочисленные архитектурные памятники этой эпохи отличаются совершенством как в целом, так и в деталях». Г. Гельмольт в третьем томе своей «Истории человечества» также не смог пройти мимо этого феномена: «Мы невольно восхищаемся его (Каитбей — прим. С.Х.) многочисленными и великолепными постройками (надгробная мечеть султана — образец арабского изящества и орнаментики)».

На протяжении всего периода правления черкесских мамлюков в Каире, Дамаске и других городах султаната появлялись замечательные памятники. «До сих пор стоят почти все построенные ими великие памятники, — пишет Джеймс Олдридж, — их очень много, но два памятника являются образцом их изощренного, декадентского и в тоже время замечательного вкуса в архитектуре». Это признание интересно еще и потому, что принадлежит автору, относившемуся к черкесам с явной неприязнью. В данном случае английский писатель имел в виду мечеть Муаййад Шайха, «которую Гастон Вейт называл самой роскошной мечетью Каира», и мечеть Каитбея, построенную им в 1472 году. «Комплекс Каитбея, — писала С.И. Ходжаш, выдающийся российский специалист по архитектуре средневекового Каира, — по праву считается одним из лучших памятников исламской архитектуры не только в Каире, но и на всем арабском Востоке». Стэнли Лэйн-Пуль, автор «Истории Египта в средние века», склонный к емким и образным формулировкам, назвал мамлюков «строителями куполов».

Черкесские выходы привнесли в мамлюкский Египет свои обычаи и нравы, которые, в силу господствующего положения их носителей и имманентной привлекательности, усваивались арабами. «Во времена Мамелюков, — писал А.Б. Клот-бей, — преступника, приговоренного к смерти, водили на место казни с завязанными глазами, потому что если бы он встретил на дороге гарем и увидев его, коснулся рукою одежды одной из женщин его составляющих, жизнь его была бы спасена». Фран-

цузский автор описал здесь тот обычай, который получил у Семена Броневского название «заступление женщин»: «Женщина без покрывала и с распущенными волосами бросается в середину толпы сражающихся, и тотчас останавливает кровопролитие, тем решительнее и скорее, будь она пожилых лет и знатного рода. Довольно и того, ежели преследуемый от неприятеля скроется в женское отделение, или даже коснется рукою до женщины, чтобы остаться невредимым».

Необходимо также отметить, что мамлюки придерживались черкесских обычаев в первую очередь благодаря сохранению в их среде черкесского языка. «Мамлюки, — отмечал Дж. В.Ф. Стриплинг, редко говорили по-арабски, предпочитая использовать черкесский». Более того, имеющиеся сведения позволяют заключить, что черкесы не считали нужным учить арабский язык. Так, например, государственный секретарь в правление султана Барсбея, эмир Арикмас аз-Захири, не знал ни турецкого, ни арабского. Причем, сообщая об этом Ибн Тагри Бирди не удивлен данному обстоятельству. Султан Инал, который был не в состоянии написать даже свое имя по-арабски, проживая в Египте около 70 лет, представляет собой еще одно яркое свидетельство приверженности черкесскому языку.

Сохранились свидетельства средневековых писателей о бытовании в мамлюкской среде аталычества. Наиболее известный случай этого ряда относится к знаменитому эмиру Джанибаку ас-Суфи и его воспитаннику эмиру Кирмишу ал-Авару, политическим противникам султана Барсбея. «Черкесы, — писал У. Поппер, — отличаются от других народов Кавказа по национальному характеру, обычаям и языку. Чувство племенного родства было сильно развито среди них и они практиковали тип приемного родства принесением клятвы братства. Дети при рождении передавались посторонним, чтобы те воспитывали и защищали их как родных детей: приемные родители пользовались огромным уважением, а сводные братья были очень верны друг другу. Эти взаимоотношения продолжали существовать среди черкесских мамлюков Египта; смотрите, например, отказ эмира Кирмиша ал-Авара покинуть Джанибака ас-Суфи в пользу эмира сотни Барсбея ад-Дукмаки (т.е. султана Барсбея — С.Х.) из-за того, что он (Кирмиш) был воспитан Джанибаком в Черкесии. И, например, неудачная попытка эмира сотни Айтамиша придерживаться обязательствам черкесской верности привела к его падению и гибели». Давид Айалон, на основе анализа данных мамлюкских хроник, писал: «В черкесскую эпоху пожилые родители знатных эмиров воспитывали сыновей султана и это соответ-

Хопфер Даниэль (1470-1536). Три мамлюка верхом, с копьями. См.: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/90/Three_Mamelukes_with_lances_on_horseback.jpg

Даниэль Хопфер — знаменитый немецкий гравёр и оружейник. Наблюдать мамлюков он имел возможность, скорее всего, во время осады Вены османами в 1529 г.

Обращает на себя, в первую очередь, типичный черкесский облик всадника посередине. Два других также не несут на себе каких-то критически нечеркесских черт. Головные уборы — явно черкесские. Здесь надо вспомнить замечание мамлюкского хрониста ал-Макризи (1364-1442), сделанное им по поводу изменения внешнего облика мамлюков с приходом к власти Баркука: «А во время Захира Баркука стали шапки большими, с кривыми краями, и назывались эти шапки черкесскими; их носят и сейчас». (Таки ад-дин Ахмед ибн Али ал-Макризи. Книга поучений и назидания, [содержащихся] в описании кварталов и памятников [Каира] // Семенова Л. А. Салах ад-дин и мамлюки в Египте. М.: «Наука», 1966. С. 185).

На рисунке Хопфера, по всей видимости, изображены черкесы-мамлюки из османской армии, которая в 1529 г. осаждала Вену. Это всадники черкесского корпуса (джамаат аль-джеракис), одного из семи корпусов османской армии в Египте. То есть, это те мамлюки, которые уцелели в войне 1516-1517 гг. по поводу изменения внешнего облика мамлюков с приходом к власти Баркука — знаменитом Сулеймане Великолепном или Законодателе (Кануни), годы правления 1520-1566.

Черкесские беи из Каира в присутствии султана Сулеймана отличились в составе османского десанта на Родосе в 1522 г., за что были удостоены почестей со стороны Сулеймана, который даже высказался при своем дворе, что его отец был несправедлив по отношению к черкесским мамлюкам. (Winter M. The re-emergence of the Mamluks following the Ottoman conquest // The Mamluks in Egyptian politics and society. Cambridge University Press, 1998. P. 91-92).

Знакомство Сулеймана с Черкесией началось еще в 1505 г., когда его назначили санджакбеем Кафы, а его отец Селим еще не был султаном и даже не являлся первым кандидатом на трон. Весьма важная деталь происхождения Сулеймана — смешанное, гирейско-черкесское происхождение его матери Хафсы.

Учитывая самые тесные семейные связи крымских Гиреев с черкесскими княжескими родами, мать Сулеймана могла быть черкешенкой на 3/4 и даже более того. Очень характерно, что источники подчеркивают ее черкесское происхождение и, скорее всего, для большинства современников, она была просто черкешенкой. Не случайно у такого признанного специалиста по генеалогии Османов как Годфри Гудвин, Хафса отмечена как черкешенка (Goodwin G. The Private World of Ottoman Women. L., 2006, p.10). Мы вправе поставить вопрос о знании Сулейманом черкесского языка. Вполне вероятно, что этот вопрос может получить детальное прояснение в османских или европейских источниках.

Имея бабушку-черкешенку и мать-«черкешенку», Сулейман женился на черкешенке. Ее черкесское имя нам неизвестно, а в гареме у нее было типичное персидское имя — Махидевран. Итальянские источники середины XVI в. отмечают ее черкесскую принадлежность — «una donna circassa». Е. Н. Кушева высказала вполне обоснованное предположение о ее принадлежности княжескому бесленеевскому роду Кануко. (Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С.150, 201). Сын Даниэля Хопфера — Джером или Иероним Хопфер, также ставший весьма знаменитым гравёром, получил редкую возможность для создания портрета Сулеймана. По замечанию известного британского востоковеда В. Алена, портрет работы Хопфера демонстрирует «типичный черкесский профиль» (Allen W. E. D. Problems of Turkish Power in the Sixteenth Century. L., 1963. P. 48). Этот портрет читатель может посмотреть в 35-м выпуске «Ликов...» за 29 июля 2010 г.

БЕРТРАНДОН ДЕ ЛА БРОКВИЕР

Имидж черкеса в книге бургундского путешественника
первой половины XV века Бертрандона де ла БроквиераНачало в выпуске
12(71)

В Дамаске же ла Броквиер был арестован по наговору переводчика, желавшего прикарманить его деньги. Дело ла Броквиера переходило от одного кадия к другому, он был вынужден проводить свое время в тюрьме. Наконец, его выручил венецианский консул Антуан Муррузини. Он представил ла Броквиера наместнику Дамаска, который и являлся в этой стране высшей судебной инстанцией. Любопытно, что наместник-черкес в качестве переводчика привлек генуэзца по имени Гентиль Империял, султанского агента по приобретению невольников в Каффе. После скорого разбирательства наместник освободил ла Броквиера¹².

В старинном Баальбеке, неподалеку от Дамаска, ла Броквиер провел несколько дней в ожидании, что какой-нибудь из начальников торговых караванов в сторону Анатолии возьмет его с собой. Известно, сколько длилось бы это ожидание, если не помощь со стороны султанского мамлюка-черкеса, который выехал из Каира в Караманию (туркменский эмират в центральной части Анатолии со столицей в Анкаре — прим. С.Х.) на поиски брата. «Этот человек — писал ла Броквиер, — увидев, что я один и не владею языком страны из чувства милосердия выразил желание составить мне компанию, и взял меня с собой; но, поскольку он не имел при себе палатку, мы часто были вынуждены ночевать под деревьями в садах»¹³.

Бургундец был вынужден научиться спать на голой земле, утолять жажду исключительно водой и сидеть скрестив ноги. Последнее было весьма непривычно и причиняло боли в ногах, которые еще более усилились, когда черкес укоротил стремяна на коне ла Броквиера: «Я страдал так сильно, что когда спешился,

то не мог сесть обратно верхом без посторонней помощи, настолько разболелись мои сухожилия; но спустя короткий срок эта манера верховой езды показалась мне даже более удобной чем наша»¹⁴. В тот же вечер ла Броквиер ужинал в компании мамелюка: трапеза состояла из хлеба, сыра и молока.

Во время привала в предместьях Хамоса (Химса — прим. С.Х.) Мухаммад и ла Броквиер разделили свой ужин с двумя туркменами, возвращавшимися из паломничества в Мекку. «Эти люди, — вспоминал ла Броквиер, — увидев, что я хорошо одет, имею доброго коня, красивую саблю и хорошую амуницию, предложили мамелюку, как он впоследствии сам рассказал мне, когда они ушли, убить меня, объяснив свое намерение тем, что я христианин и не имею права пребывать в их обществе. Он ответил, что поскольку я ел с ними хлеб и соль, это было бы великим преступлением; что это запрещено их обычаем; и что, наконец, бог сотворил христиан точно также, как и сарацин... Мамелюк запретил им приближаться ко мне и тем самым спас мне жизнь»¹⁵.

Из Химсы путники прибыли в Хаму, где ла Броквиер познакомился с венецианским купцом Лоренцо Соранца. Венецианец показал путешественнику цитадель на скале, городской рынок и прочие примечательные места. Во время прогулки к ним подошли несколько мусульман, знакомых ла Броквиера по каравану: они увидели, что он знаком с «франком» и попросили, чтобы он приобрел у него немного вина. Они предполагали устроить выпивку в доме Соранца, ибо пить в обществе единоверцев было чревато. Это предложение удивило ла Броквиера поскольку это были не простые мусульмане, но совершившие хадж в Мекку. Соранца отказался участвовать из опасения возможных неприятностей. Зато желающие выпить тут же

нашли какого-то грека, продавшего им четыре галлона вина. Они буквально заставили ла Броквиера принять участие в их попойке, дабы он не мог проболтаться кому-либо. Вино они пили не закусывая, пока не уснули в доме гостеприимного грека. Едва держась на ногах ла Броквиер возвратился в лагерь, где обнаружил, что мамелюк, проигнорировавший всеобщее веселье, раздобыл где-то гуся и зажарил его с луком. Как сообщает ла Броквиер, этого гуся им хватило на три дня¹⁶.

Далее караван должен был двигаться не в Алеппо, как то хотелось ла Броквиеру, а в Антиохию. Отъезд задерживался на два дня и мамелюк предложил своему товарищу не дожидаться прочих, а выехать самостоятельно. К ним присоединились четыре турецких купца и они тронулись в путь.

В полулиге от Хамы они подъехали к реке: «Здесь я хотел дать моему коню напиться, но берег оказался слишком крут, а река слишком глубока и, если бы мамелюк не пришел мне на помощь, я обязательно утонул бы»¹⁷. На второй день пути они проезжали гористую местность, усеянную руинами домов. Здесь мамелюк обучил ла Броквиера стрельбе из лука и подарил ему для этой цели тетивы и напальчники¹⁸.

Еще одна неприятность приключилась с ла Броквиером в горах к северу от Антиохии — он заболел дизентерией. И вновь лишь помощь со стороны мамелюка спасает его¹⁹. Измотанный холодом и болезнью, после тяжелой поездки по горам Каппадокии и Киликии (Малой Армении) ла Броквиер достиг замка на границе Карамании. Обязанности главного таможенника здесь исполнял какой-то греческий ренегат, сразу же опознавший в бургундце христианина. Он вознамерился не впускать его на территорию княжества: «и, если бы я был принужден повернуть обратно, то меня уже можно было бы считать мерт-

вцем — уже через пол лиги какой-нибудь разбойник перерезал бы мне глотку, поскольку караван сильно отстал от нас; к счастью, мой мамелюк подкупил грека двумя дукатами, взятыми у меня, и ворота были распахнуты»²⁰.

В сопровождении мамелюка ла Броквиер достиг города Аракля (Эрегли): «Поблизости от Эрегли мы встретились с двумя знатными представителями этой страны: они выказали большое почтение перед мамелюком и устроили для него пиршество в близлежащей к городу деревне, жилища которой были разделены скалой. Мы заночевали здесь, но остаток ночи я, опасаясь за сохранность коней, провел в пещере. Когда ко мне присоединился мамелюк, он рассказал мне, что эти двое спрашивали, кто я такой, и, что он обманул их, сказав, что я черкес и еще не выучил арабский»²¹.

В двух днях пути от Эрегли, в Ларанде, мамелюк встретился с группой своих соплеменников. Это были шестеро молодых черкесов, направлявшихся на службу к султану в Каир. Мухаммад хотел угостить своих соплеменников и попросил, зная, что в Ларанде живут христиане, ла Броквиера раздобыть вино. Тот купил половину бурдюка и передал его черкесу. «Он выказал большую радость при получении вина, — писал ла Броквиер, — и тут же отправился к своим компаньонам, с которыми пил всю ночь. Он выпил так много, что к утру был почти мертв, но отрезвил себя методом, присущим им. В таких случаях они выпивают такое количество воды, как это только возможно, вырывают все это, а затем повторяют процедуру. Он делал так пока мы ехали до полудня, пока окончательно не оправился»²².

Уже на территории османского эмирата, вблизи Босфора, ла Броквиер расстался со своим черкесским другом: «Этот добрый человек, чье имя было Мухаммад, оказал

мне неисчислимы услуги. Он был очень щедр и никогда не отказывал в милостыни нищим, когда она просилась с упоминанием имени бога. Благодаря своей щедрости он был так добр и ко мне, и должен признать, что без его поддержки я не смог бы осуществить свое путешествие не подвергаясь величайшей опасности; и если не его добродетель, я часто оставался бы в холоде и голоде, и испытал бы сильные затруднения в уходе за моим конем. Расставаясь с ним, я хотел выразить ему свою признательность, но он отказался принять что-либо от меня, кроме отреза нашей прекрасной европейской ткани для покрытия головы, которым он оказался весьма доволен. Он рассказал мне все, что знал сам об этой стране и если бы не его присутствие я был бы подвергнут смертельному риску; он предупредил меня быть осторожным в отношении с сарацинами, ибо здесь среди них есть столь же опасные, как и франки, люди. Я пишу эти строки, дабы напомнить моим читателям, что человек, который из любви к господу делал так много доброго для меня, был человеком не нашей веры»²³.

Примечания:

12. The Travels of Bertrandon de la Brocquiere, counsellor and first esquire-carver to Philippe le Bon, Duke of Burgundy, to Palestine, and his return from Jerusalem overland to France, during the years 1432 and 1433/Transl. by Thomas Johnes. L., 1807. P. 146.

13. Ibid. P. 148.

14. Ibid. P. 149.

15. Ibid. P. 150–151.

16. Ibid. P. 154–157.

17. Ibid. P. 159.

18. Ibid. P. 160.

19. Ibid. P. 176.

20. Ibid. P. 178.

21. Ibid. P. 179.

22. Ibid. P. 183–184.

23. Ibid. P. 196–197.

Самир ХОТКО.

ствовало последовательной политике предпочтения и уважения своих старших, проводившейся черкесами».

Бертрандо де Мижнанелли упоминает об очень интересном обстоятельстве: когда Баркук уезжал из Дамаска в Каир, он обещал своему патрону, эмиру Манджаку, что отдаст ему своих сыновей на воспитание. Сам Баркук уважал старость и никогда не сдился в присутствии престарелого Усмана, купца, доставившего его в страну мамлюков. Через него он розыскал в Зихии отца и привез его в Каир. Отец Баркука Анас, согласно В.В. Бартольду, до конца жизни (ум. 1382) говорил только по-

черкесски, так что при нем должен был быть переводчик. Ибн Тагри Бирди так описывает встречу сына с отцом: «Баркук выехал в ал-Икришу встречать отца, который приехал из Черкессии. При встрече Баркук поцеловал отца руку. Отец сидел на почетном месте и обращался к Баркуку за пророчеством, без учета его титула и не поднимался, когда входил Баркук. Некоторые из черкесских эмиров тогда сказали ему, что он должен обращаться к султану как эмир, но он сердито отказался и пожелал возвратиться в Черкессию».

Д. Айалон приводит весьма любопытный пример, который характеризует строгость вос-

питания у черкесов и то, как они ценили уважение к старшим: «К одному из черкесских султанов из его родной страны приехал его племянник. Сперва султан хотел поместить племянника в военную школу, но тот буквально восхитил дядю своим воспитанием и почтительным отношением. Султан оставил родственника при своей особе, а сына, не отличавшегося особой почтительностью, направил в военную школу ал-Майдан (табакат ал-Майдан) с поручением к ага обходиться с наследником трона с наибольшей строгостью».

Следующее правило этикета, соблюдавшееся черкесами

в Египте, это обязательное проведение больного. Ибн Тагри Бирди упоминает об этой практике в связи с описанием заговора против Баркука (13 августа 1398 года): «В этот день начался конфликт Алибея с султаном ал-Маликом аз-Захир Баркуком. В то утро было объявлено полноводье Нила и султан после полуденной молитвы выехал в направлении Нилометра с целью измерения его и с намерением открыть плотину через канал согласно обычаю. Он сопровождался в своей поездке всеми эмирами за исключением Алибея, казначея, который оставался дома на протяжении нескольких дней, симулируя болезнь. Его тай-

ным намерением было убийство султана, и он знал, что когда султан выедет вниз из цитадели, чтобы открыть канал, он должен будет захватить к нему домой и нанести ему визит, чтобы проведать больного в соответствии с обычаями уважения эмиров». Покушение это не удалось. Алибей был схвачен и подвергнут пыткам: ему раздробили ноги, колени, раздавили грудную клетку, но он отказался указать на кого-либо, после чего его унесли и задушили. Эмиры боялись, что Алибей от ужасной боли укажет на кого-нибудь и не знали чего ожидать от Баркука. «С того дня, — писал Ибн Тагри Бирди, — отношения

КУЛЬТУРА ЧЕРКЕССКИХ МАМЛЮКОВ

Портрет Каикбая из книги Паоло Джовио (1483-1552): Pauli Iovii Novocomensis episcopi Nucerini Vitae illustrium virorum: tomis duobus comprehensae, & proprijs imaginibus illustratae. Basel, 1578.

См.: <http://www.pitts.emory.edu/woodcuts/1578Giov1/00021365.jpg>

между султаном и его черкесскими мамлюками стали напряженными». Другой пример проводывания больного, относится ко времени правления Барсбея: «Султан выехал из цитадели без султанского одеяния и направился к дому заболевшего Джанибака ал-Ашрафа, второго исполнительного секретаря, в Бычьем Спуске, чтобы провести его». Из некролога становится известно, что султан проведаль этого эмира дважды. После первого визита он приказал перевести его в цитадель и сам следил за его лечением. И тот, казалось, выздоровел и к нему вернулись силы. После чего он вернулся в свой дом в Бычьем Спуске. Но вскоре болезнь вновь обострилась. После отъезда султана, в ту же ночь Джанибак скончался. Султан вновь спустился из цитадели и присутствовал при омовении и молитвах за усопшего.

Черкесы в своей среде большое внимание уделяли деловым и нравственным качествам, и старались дать своим детям высшее мусульманское образование наряду с классическим военным воспитанием. Поэтому многие сыновья черкесских эмиров, султанов и простых воинов достигали высших степеней власти и были вполне конкурентноспособны с выдвинутыми из мамлюкского пополнения. Имея в виду последних, Уильям Мьюр писал: «Они проходили школу войны и мира. Еще юными они зачастую весьма преуспевали в философии, богословии и точных науках так же, как в искусстве верховой езды и владении оружием. Все это делало их хорошо подготовленными для высших государственных постов и службе в армии».

Исходя из собственных вековых представлений о воинской доблести и способах побеждать, черкесы все внима-

ние при военном обучении молодежи сконцентрировали на индивидуальной подготовке каждого воина. Основной боевой силой уже древнеадыгских племен — являлась тяжелооруженная конница. Эту традицию унаследовали зихи и касоги. Их репутация в военной сфере была чрезвычайно высока. Высочайшее по уровню искусство конной войны выходцы из Черкесии принесли в мамлюкский Египет. Они осознавали свое неизмеримое превосходство в этой сфере над местным населением.

Военные школы мамлюков давали прекрасное образование. В них преподавали лучшие мастера «фурусийа» — боевого искусства мамлюкских рыцарей. Мастера во владении копьем, стрельбе из лука, фехтовании, борьбе и конном деле пользовались большим почетом в султанате, у них брали уроки даже высшие эмиры и султаны. Высокий уровень боевого мастерства зачастую открывал путь к быстрой карьере. Имена лучших наездников, фехтовальщиков, лучников и борцов можно встретить на страницах мамлюкских хроник. Мамлюкские султаны строили и перестраивали прекрасно оснащенные ипподромы. Мамлюк обязан был проявлять храбрость в бою и именно эта способность ставилась выше всего — верности, знания фурусийи и прочих вещей.

Разница между такими понятиями как фурусийа и храбрость может быть установлена на основании характеристики, данной Ибн Тагри Бирди эмиру Акбуге ал-Тимрази: «Его смелость в битве была не столь велика, как его знание различных приемов и фурусийи». Иногда, хотя и довольно редко, термин фурусийа использовался и в значении «высокоморальный характер» или «рыцарство». Так, эмир Судун ал-Алаи характеризовался как

достигший высокой степени фурусийи в связи с эпизодом, когда он пощадил жизнь османского главнокомандующего Ахмад-бека Харсак-оглу, после того как пленил его в битве.

Наиболее популярной игрой являлось поло. Аз-Захир, секретарь султана Бейбарса I и автор его жизнеописания, много раз упоминает игру в поло мамлюков и ведущих эмиров, с участием самого султана. Ибн Тагри Бирди также многократно сообщает об увлечении мамлюкской элиты игрой в поло. Вот одно из таких сообщений: «Султан (Баркук — С.Х.) устроил большое празднество на поле для скачек ниже цитадели, причиной которого стала его обычная игра в поло с эмирами. В этой игре султан (который возглавлял одну из команд — С.Х.) нанес поражение великому эмиру Айтамишу ал-Баджаси, который в результате своего поражения был обязан оплатить празднество стоимостью 200000 дирхемов серебром. Однако, султан взял на себя расходы на праздник и повелел Бадр ад-Дину Мухаммаду ибн ат-Тукхи, визирю, и эмиру Иалбуге, управляющему, приготовить необходимую провизию».

Тафюр Перо, побывавший не раз при дворце Барсбея, оставил интересное описание времяпрепровождения черкесской элиты: «Мы, как обычно, утром отправились в большой дворец, но обнаружили, что султан отправился на охоту, и мы последовали за ним, и нашли его на расстоянии одного лье от города. Он был чрезвычайно увлечен охотой, в которой участвовало, как мне показалось более пяти тысяч всадников, и множество соколов и леопардов. В этот день султан обедал в поле и затем они играли в игру, которая обычна для этой страны: они поместили мяч в центре поля и несколько тысяч всадников заняли свои позиции по обе стороны (поля), и они провели линии по обе стороны, и каждый из них имел деревянную колотушку, рукоять которой была закреплена в длинной палке, и все они устремились к мячу в один момент с намерением, с одной стороны, провести его через линию, в то время как другие старались сделать то же самое с своей стороны. В этот день один из игроков попытался воспрепятствовать султанскому сыну, и тот выхватил свою саблю и попытался убить своего противника, и там возникла большая сумятица, пока султан не поднялся и не разнял их». Игра в поло носила чрезвычайно жесткий характер: травмы, увечья и даже гибель всадников и лошадей случались довольно часто. «Во время игры в поло с султаном (Кансавом ал-Гаури — С.Х.), — сообщает Ибн Ийас, — конь командующего гвардией Тарабая упал и убится, а эмир повредил себе руку. Султан подарил ему другого коня».

Военный быт черкесов оказал большое влияние на пред-

ставления народов Ближнего Востока на военных, как особое сословие, и на военное дело вообще.

Несмотря на фактически узаконенный грабеж, мамлюкская империя, как отмечает Дж.Стриплинг, была наверное наиболее культурной страной того времени. «Даже Венеция, — пишет он, — наиболее мощный торговый и культурный центр в Италии, была обязана многим из своей культуры арабскому миру, а своими достижениями, в основном, торговле с мамлюкской империей. Каир был объектом восхищения для всех европейских путешественников. Предположительно, здесь имелось две сотни торговцев, состояние каждого из которых было не менее миллиона дукатов (около 2,5 млн. долларов США по курсу 1942 г.), и две тысячи торговцев с состоянием не менее 100000 дукатов у каждого (250000\$). Некий каирский еврей был настолько богат, что несмотря на вымогательство у него 800.000 дукатов (\$2.000.000) он по-прежнему оставался богачем».

Говоря о рыцарстве мамлюков, нельзя не упомянуть об обычае вызова на поединок, который издавна бытовал в черкесской среде на Кавказе. Вблизи стен средневекового Каира мамлюки устроили специальное поле для турниров и дуэлей, и там они решали свои споры один на один либо равными партиями. Это поле называлось «Поле Победы» (Куббат ан-Наср) и, согласно Бертрандо де Мижнанелли, располагалось на расстоянии одной итальянской мили от города. Из уважения к султану ведущие эмиры не имели права на поединок чести без разрешения на то султана. Во время, или перед битвой, эмиры могли вызвать друг друга на отдельный поединок.

Рыцарский дух черкесов определил и политическую организацию их государства в Египте. Мамлюки-черкесы

Султан Египта и Сирии ал-Ашраф Каикбай (1468-1496 гг.).

принесли в Египет феодальную систему вассального типа, которая резко отличалась от феодальных систем других стран Ближнего и Среднего Востока. Вассальный характер феодализма у черкесов на Кавказе и у мамлюков в Египте отмечал еще Густав Эверс. Вассалитет черкесских мамлюков способствовал внедрению в политическую жизнь этой восточной, со времен фараонов, страны, привыкшей к деспотии, принципов федерализма. Когда в Египте правили черкесы, «собственников средств управления», пользуясь выражением Макса Вебера, было много — два или три десятка высших эмиров. Высшую власть олицетворял султан, которого избирал мамлюкский «парламент». Султан-черкес не был деспотом — он являлся «первым среди равных».

Период правления черкесских султанов — это время независимости Египта, его наивысшего расцвета. Черкесы покровительствовали наукам и искусствам, и Каир стал при них не только торговым, но и культурным центром всего мусульманского мира.

Самир ХОТКО.

Портрет Кансава ал-Гаури из книги Паоло Джовио.

ДОСПЕХИ ЧЕРКЕССКОГО ПЕРИОДА

Майер Л. А.

Сарацинское оружие и доспех

Шлем черкесского султана Барсбая (1422-1438). Лувр.

Рассмотрение мамлюкской проблематики предполагает изучение многих узко-специальных вопросов. В числе таковых — комплекс вооружения и доспехов. Мамлюкские источники содержат подробную информацию по этому вопросу.

Хронологические рамки при изучении мамлюкского вооружения своей нижней границей имеют XII век, так называемую «сарацинскую» эпоху¹. Большую часть сарацин составляли мамлюки, которые после прихода в 1250 г. к власти по-прежнему для многих европейских авторов оставались «сарацинами». На территории «Благодатного Полумесца» доспех применялся задолго до появления мамлюков. Есть свидетельства его функционирования в среде арабов

в доисламский период. Он представлял собой кольчужную рубашку (dir'), защищавшую большую часть тела. Несмотря на то, что кольчуга хранилась в семье на протяжении поколений и считалась не просто дорогой вещью, но отчасти реликвией, а частые войны вынуждали иметь сразу несколько кольчуг, в наше время нет даже кусочка арабской кольчуги досарацинского периода. Первые или наиболее ранние аутентичные образцы и зарисовки кольчуг относятся уже к первым годам Аййубидского периода (1170-е гг.). Тот факт, что доспехи передавались и оставались в употреблении на протяжении поколений, объясняет, во многом, устойчивость типов². Это, в свою очередь, затрудняет датировку сарацинских или мамлюкских кольчуг; изменения были слабыми и незначительными, и единственным ориентиром является надпись или краткое посвящение и герб, которые позволяют установить в общих чертах развитие фасонов доспеха. В любом собрании мамлюков Черкесского периода можно было увидеть простые кольчуги, кольчуги, усиленные тонкими пластинками, пластинчатый доспех и панцирный доспех.

В аййубидском и мамлюкском обществе ношение доспеха являлось привилегией военной аристократии, и благодаря мемуарам Усамы ибн Мункыза есть возможность отчетливо представить себе доспех эмира аййубидской эпохи. Он состоял из шлема (khawdha), кольчуги (dir' или zardiya), кольчужных чулок (ranat), гамаша (sak al-muza, или kalsat al-zard), и ботинок (khuff) со шпорами (mihmaz); оружие эмира состояло из сабли (saif), кинжала (dasha или sikh), ножа (sikkina), копья (rumh, kantariya), дротики (harba), и щита (turs или daraka)³.

Три вида доспеха были наиболее употребительны в то время: кольчужный плащ, пластинчатый доспех и панцирь⁴.

Более распространенным являлся простой кольчужный плащ, которым не переставали пользоваться почти до наших дней. Несмотря на то, что кольчуга часто упоминалась в арабских источниках, ее детальные описания отсутствуют. Но из случайных указаний можно сделать вывод, что они носились по одной или по две сразу, были короткими или длинными, и, что некоторые из них были не просто длинными, а волочились по земле, когда всадник спешивался⁵. Часть позднечеркесских кольчужных плащей имеют воротники.

Связующие звенья этих и более ранних кольчуг имеют на себе отпечаток орнамента, формы которого достаточно разнообразны: геометрический орнамент, штрихов из линий, канавок, точек, или текстов из священного писания⁶. Каждое кольцо сарацинской кольчуги было склепано, иногда из двух или более втулок, которые проходили металл насквозь⁷.

Кольчужные плащи были усилены прямоугольными параллельными пластинами (djawshan), известными на протяжении длительного периода, но начиная с периода ранних мамлюков подобный тип кольчуги встречается чаще и несколько позднее, при Черкесах, они использовались почти исключительно для дорогих доспехов высших эмиров⁸. К ним принадлежит второй по величине кольчужный плащ сарацинской эпохи, принадлежащий в настоящее время М. Жоржу Паульхаку из Парижа⁹. Несмотря на то, что имя эмира, которому принадлежала эта кольчуга, вряд ли возможно установить, но технические параметры кольчуги позволяют датировать ее третьей четвертью XV века. Кольчужный плащ Каитбая, который очень похож на этот доспех, был изготовлен несколько позднее¹⁰.

Сведения по второму типу доспеха, а именно по пластинчатому доспеху, в средневековой арабской литературе отсутствуют. Тем не менее, сарацины были знакомы с этим видом доспеха и пользовались им, о чем свидетельствуют два совершенно отличных источника. Первый показывает, что их непосредственные соседи, малоазиатские турки, носили этот доспех, как это свидетельствует рельеф в Чинили Кошк в Стамбуле¹¹. Второе свидетельство представлено витражным окном в церкви Святого Дэниса, в Париже, на котором помимо рисунков XVIII века представ-

лено раннее изображение сражения между сарацинами и христианскими рыцарями¹². В обоих случаях доспех почти идентичен и может быть расценен как пластинчатый доспех в точном смысле этого понятия или менее качественное изделие в виде кожаной куртки с нашитыми на нее большими металлическими пластинами. Последняя разновидность пластинчатого доспеха была распространена среди центральноазиатских турок и монголов¹³.

На протяжении мамлюкского периода пластинчатый доспех вошел в моду и был уже хорошо известен в Европе¹⁴.

Примечания

1. Термин «сарацин» употреблялся европейцами для обозначения военно-феодальной верхушки Сирии, Палестины и Египта начиная с первого крестового похода до 1516-1517 гг., когда термин «сарацин» был сменен термином «осман».

2. Так, например, оружие и доспехи, принадлежавшие умершим мамлюкам, на следующий год были распределены среди хассакийа (khassakiya) султана. См.: Ibn Iyas. Bada'i' Al-Zuhur Fi Waka'i' al-Duhur, ed. P. Kahle, Muhammad Mustafa, and M. Sobernheim. Istanbul, 1931. IV. P. 359-60.

3. Hitti Ph. K. Usamah's Memoirs Entitled Kitab al-I'tibar. Princeton, 1930. P. 126.

4. Воин, облаченный в доспех, вежливо именовался mudarra' [Usama, p. 32], но обычным термином для обозначения человека в доспехе было слово labis, т. е. «облаченный».

5. Makrizi. Suluk, ed. M. Ziade. Cairo, 1934. Vol. I. P. 608.

6. Stocklein H. Arms and Armour // Survey of Persian Art. L., N.-Y., 1939. Vol. III. P. 25-60.

7. Dean B. Handbook of Arms and Armor. N.-Y., 1930. P. 245.

8. Ibn Tagribirdi. Al-Nujum al-Zahira, ed. W. Popper. Berkeley, 1929. Vol. I. P. 256; Ibn Iyas. Vol. IV. P. 413.

9. Эта кольчуга первоначально

Мамлюкско-черкесский шлем начала XVI в.

но была в коллекции барона Видала де Леви и была приобретена М. Паульхаком в 1902 г. Пластина из которых состоит доспех: 25 см в высоту и 135 мм в ширину.

10. "Abd al-Rahman Zaky. Ba'd Kita al-Asliha al-Islamiya fi Istanbul // Al-Mukataf. 1940, April.

11. Kuhnelt E. Die Sammlung turkischer und islamischer Kunst im Tschinili Koschk. Berlin, 1938. P. 16 and Pl. 6; Mendel G. Catalogue des sculptures grecques, romaines et byzantines. Constantinople, 1914. Pt. II. No. 792.

12. Montfaucon B. de. Les Monuments de la monarchie Francoise. Paris, 1729. Vol. I. P. 384, 390, 396.

13. Thordeman B. The Asiatic Splint Armour in Europe // Acta Archaeologica. T. IV, 1933. P. 139, 143.

14. Kelly F.M. and Schwabe R. A Short History of Costume and Armour, 1066-1800. N.-Y., L., 1931. P. 62.

Публикуется по: Mayer L. A. Saracenic Arms and Armour // Ars Islamica. Vol. X. University of Michigan Press, 1943. P. 1-12.

Кольчато-пластинчатый доспех мамлюкского эмира. Черкесский период. Королевский арсенал. Лондон.

Мамлюкский шлем. Начало XVI в.

ЧЕРКЕССКИЕ МАМЛЮКИ

Лев Африканский (ал-Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан аз-Заййати ал-Фаси).

Африка - третья часть света.

«Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть» — таково точное начало очень длинного названия сочинения, издаваемого в этой книге. Вплоть до начала XIX в. оно было для европейцев основным источником сведений об африканском континенте. Со времени распада Римской империи связи, соединявшие Европу с Африкой, прервались; с появлением вандалов в Африке, а затем в конце VII в. — арабов, потом турок-османов Средиземное море, связывавшее до того Европу с Африкой, разделило их.

Страны христианской культуры противостояли культуре мусульманства. Вместо прежних культурных связей начались крестовые походы христиан на восток, а усиление морского пиратства окончательно отрезало Европу от Африки. На географических картах европейского средневековья неизменно повторялись одни и те же названия давно исчезнувших народов, известные европейским ученым еще со времен античной эпохи: гетулы, гарманты и многие другие. «Описание Африки» впервые познакомило европейскую науку с действительным положением дел в государствах Северной Африки и отчасти даже со странами к югу от Сахары.

Автор этого труда — ал-Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан аз-Заййати ал-Фаси, более известный под именем Льва Африканского, писал свой труд в Тоскане в бурную эпоху — эпоху Возрождения, давшую Италии немало замечательных личностей. Поразительно интересной и сложной была и жизнь самого автора. Вся она прошла на берегах Средиземноморья, где столкнулись две культуры — мусульманская культура средневековой Испании и Северной Африки, с одной стороны, и христианская культура эпохи Возрождения в Италии — с другой. Это столкновение драматическим образом отразилось и на судьбе самого автора, мусульманина, попавшего в плен к корсарам и подаренного папе Льву X Медичи, который окрестил молодого араба и дал ему имя своего святого, почему Хасан ибн Мухаммед и стал Львом Африканским. Дальнейшая его судьба малоизвестна. Ему, по видимому, удалось вернуться под сень ислама на родину и вновь стать последователем пророка. Все это не могло не

сказаться на характере «Описания Африки». В этом труде собраны самые разнообразные сведения по экономике, географии, этнографии, культуре и истории Северной Африки, Сахары и Судана. Они полностью изменили бытовавшие до того в Европе представления об африканском юге Средиземноморья. Этот интересный памятник, выросший на почве двух культур, представляет большой интерес не только как научное, но и как литературное произведение, вследствие чего он получил большую известность во многих странах Европы. Значение и интерес «Описания Африки» были по достоинству оценены государственным деятелем Венеции того времени Джованни Баттиста Рамузио, который впервые издал его в книге «О плаваниях и путешествиях», выпущенной в Венеции в 1550 г. (Primo Volume Delle Navigazioni et Viaggi nel qual si contiene La Descrittione dell'Africa, et del paese del Prete Ianni con varii viaggi, dal mar Rosso a Calicut, et insin all'Isole Molucche, dove nascono Spetierie, et la Navigazione attorno il mondo. Li nomi de gli auttori, et le navigazioni, et i viaggi piu particolarmente si mostrano nel foglio seguente. Con privilegio del Sommo Pontefice, et dello Illustriss. Senato Venetiano. In Venetia apresso gli heredi di Lucantonio Giunti. L'anno MDC).

Труд Льва Африканского был переведен на французский язык Жаном Темпоралем под названием «Африка — третья часть света», названием, впоследствии установившимся в науке. Известны его переводы на латинский, английский, голландский, немецкий и испанский языки. Однако в странах арабского Востока вплоть до самого конца XIX в. он оставался неизвестным.

[Комментарий ответственно-го редактора русского издания Д. А. Ольдерогге].

Часть восьмая. О Египте

Каким образом выбирается султан и порядок степеней и должностей его двора.

Достоинство и могущество султана некогда были велики и изумительны, но султан Египта⁶⁵ был лишен их султаном, императором турок, если я не ошибаюсь, в MDXVII году

(1517 г.) после рождения Христа. Все правила и порядки, установленные султанами Египта, были изменены. Но поскольку я бывал в Египте немного времени спустя после этих изменений, совершив три своих путешествия, мне казалось подобающим сказать несколько слов о дворе, который держали эти султаны.³

В это звание и достоинство обычно возводился один из самых знатных мамлюков. Все эти мамлюки были христианами, захваченными в детском возрасте в плен татарами в провинции Черкесия на большом море (Большое море — итальянское название Черного моря. — Прим. С.Х.). Их продавали в Кафе. Из Кафы их привозили в Каир купцы, и их покупал султан. Он сразу же принуждал их отказаться от крещения и ставил обучаться арабскому письму, турецкому языку и военному делу. Отсюда, постепенно поднимаясь в звании и сани, мамлюки достигали иногда верховной власти. Но обычно, согласно которому султан должен был быть мамлюком и рабом, соблюдался лишь последние 250 лет, т. е. после того как прекратился дом доблестного Саладина, слава о котором известна всем.

В то время, когда последний король Иерусалима хотел захватить Каир⁶⁶ из-за неблагодарности и трусости халифа, или первосвященника, который правил тогда один и был уже готов стать данником этого короля, ученые и судьи с согласия этого первосвященника воззвали к одному государю Азии, принадлежавшему к нации, называемой курдами, — народу, который, как и арабы, жил в палатках. Этого государя звали Асад ад-Дин. Асад ад-Дин хотел сделать одного из своих сыновей, Саладина,⁶⁷ генерал-капитаном армии, предназначенной сражаться против короля Иерусалима, и тот пришел с 50 тысячами всадников. Хотя Саладин был еще молодым, тем не менее, за его большую доблесть, которую в нем видели, его назначили капитаном с правом сбора и использования всех доходов Египта. Наведя порядок в войсках, Саладин выступил против христиан. Он быстро одержал победу над ними и изгнал их из Иерусалима и из всей Сирии. Вернувшись затем в Каир, он замыслил сделаться синьором. Он убил начальников

двух больших отрядов стражи халифа, которые принадлежали к двум разным нациям, а именно к неграм из Эфиопии и славянам. Эти начальники повелевали всем государством. Халиф, лишенный охраны, хотел отравить Саладина, но тот, предусмотрев это, убил его и сразу же направил изъявление своей покорности халифу Багдада, который был истинным халифом. Тогда халиф Каира, который был раскольников, — а халифы правили уже 230 лет,⁶⁸ — погиб, и остался один халиф Багдада, который и есть истинный первосвященник.

После устранения раскола халифов, или понтификов, произошел раздор между султаном Багдада и Саладином, который стал султаном Каира, и это потому, что султан Багдада, который принадлежал к одному азиатскому народу и уже был синьором Мазендерана и Хорезма, двух провинций на реке Ганг, притязал на владение Каиром. Он хотел объявить войну Саладину, но его задержали татары, которые проникли в Хорасан и произвели там огромные опустошения.⁶⁹ Со своей стороны, Саладин опасался, что в Сирию придут христиане отомстить за то оскорбление, которое они от него получили. Кроме того, из его людей одни были убиты в войнах, другие унесены чумой, наконец, третьи были заняты ведением дел и управ-

Султан Египта и Сирии Кансав ал-Гаури (1501-1516 гг.).

лением королевством. Отсюда возникла причина того, что он начал покупать рабов из Черкесии, которую в то время обычно грабили короли Армении и посылали пленных на продажу в Каир. (В конце XII века Армения уже столетие была под контролем турок-сельджуков, а до того — под властью Византии. Не грабить Черкесию-Зихию, но приобретать черкесских невольников и сбывать их в армию Салах ад-Дина могли грузинские цари. — Прим. С.Х.), Саладин заставил их отречься от христианской веры, обучиться военному искусству и турецкому языку, который был его собственным языком.⁷⁰ Значение и число этих рабов очень возросли, так как среди них обнаружилось хорошие солдаты, опытные капитаны и превосходные чиновники для всего королевства. После смерти Саладина государство оставалось в руках его дома в течение 150 лет,⁷¹ и его преемники также сохранили обычай покупать таких рабов.

Продолжение в следующем выпуске.

Портрет Туманбая II из книги Паоло Джовио.

ЧЕРКЕССКИЕ МАМЛЮКИ

ЧЕРКЕССКИЕ МАМЛЮКИ В БИБЛЕЙСКИХ СЦЕНАХ: СОВМЕЩЕНИЕ ЭПОХ В КАРТИНАХ ДЖИОВАННИ МАНСУЭТИ

Джиованни ди Николо Мансуэти (годы жизни приблизительно: 1485-1526), венецианский художник, ученик знаменитого Джентиле Беллини. Мы можем предполагать, что картина «Прием венецианских послов в Дамаске» (1511 г.) была написана Мансуэти. Из-под его кисти вышло множество картин и фресок на библейские сюжеты, на значительной части которых он своеобразно совместил современный ему Египет под управлением черкесских султанов и библейские времена. Причина такого совмещения – религиозно-эстетическая. Святой Марк считается первым епископом Александрии, где он вел проповедь и мученически погиб в 68 г. н. э. По мысли мастера, его окружали столь же немилосердные «язычники», которые и в его, Мансуэти, время составляли большую часть населения Египта. Особенное внимание к апостолу Марку со стороны венецианского мастера тем более естественно, что Святой Марк считался покровителем Венеции, а его мощи были перевезены в этот город из Александрии в IX веке.

Картины Мансуэти представляют нам такие типажи и обстановку, которые демонстрируют очевиднейшее сходство с эпохой мамлюков: эти черты сходства проявляются в архитектуре, убранстве дворцов, одеждах, манерах и придворных порядках, а также в геральдике. Так, на ряде приводимых здесь картин и фрагментов, мы видим те самые черкесские головные уборы, о которых писал Макризи и которые точно также отображены на картине 1511 г. Это отождествление с черкесскими шапками видится не только автору этих строк, но и авторам сайта «Qantara», посвященного культурному наследию стран Средиземного моря. Мамлюки на картине, как отмечается в обстоятельном комментарии, облачены в «шапки из козлиной шерсти, окрашенные в красный цвет, которые напоминали их черкесское происхождение» (http://www.qantara-med.org/qantara4/public/show_document.php?do_id=1156&lang=en).

Наконец, типичнейшие черкесские гербы, отображенные на картине 1511 г., мы обнаруживаем на картине Мансуэти «Крещение Святого Аниануса святым Марком» (1499 г.), которая хранится в Картинной галерее Лихтенштейна. (http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/27/Giovanni_di_Niccol%C3%B2_Mansueti_001.jpg).

Такие же гербы еще, по крайней мере, на одной картине Мансуэти – «Сцены из жизни Святого Марка», которая украшает скуолу Сан-Марко в Венеции (Scuola Grande di San Marco, скуола – братство или благотворительная организация в средневековой Италии, в здании скуолы Сан-Марко располагалась больница, приют и учебные помещения). (<http://bluoscar.blogspot.com/2011/01/episodi-della-vita-di-san-marco.html>). На этой картине перед нами предстает черкесский султан, также в характерном для мамлюков султанов и высших эмиров головном уборе, напоминающем по форме водяное колесо, который также схож с головным убором вице-султана на картине 1511 г. Вполне вероятно, что перед нами ни кто иной, как Кансав ал-Гаури. Кадии, улемы и мамлюки, занимавшие административные посты, облачены в большие белые тюрбаны. Здесь же художник отобразил венецианских послов и, не исключено, самого себя. Большой интерес представляют мамлюки, разъезжающие верхом в присутствии своего султана.

Прямо смотрит на нас черкесский султан в характерном головном уборе, сидящий на тронном месте, украшенном гербом, на картине Мансуэти «Взятие апостола Марка под стражу в синагоге» (1499 г., дерево, масло, Картинная галерея княжества Лихтенштейн в Вадуце). (<http://www.art-drawing.ru/gallery/1465-mansueti-giovanni-di-niccolo/detail/12097-taking-the-apostle-mark-in-custody-in-the-synagogue>).

«Поклонение волхвов и пастухов» из собрания городского музея Кастельвеккио в Вероне (Италия) демонстрирует нам слева от основной композиции группу всадников-мамлюков высокого ранга. (http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/a6/Giovanni_di_Niccol%C3%B2_Mansueti_002.jpg).

Картины Мансуэти наводят на мысль о том, что он непосредственно был знаком с обстановкой мамлюковского двора, а, значит, побывал в Каире в составе одного из венецианских посольств. Если это так, то значение его картин как исторического источника весьма велико.

Самир ХОТКО.

Фрагмент одной из картин Джиованни Мансуэти.

Сцены из жизни Святого Марка.

ЧЕРКЕССКИЕ МАМЛЮКИ

Сцены из жизни Святого Марка. Фрагмент.

Взятие апостола Марка под стражу в синагоге.

Поклонение волхвов и пастухов. Фрагмент.

Слева: Крещение Святого Аниануса святым Марком.